

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

СЕКЦИЯ 2.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
АФГАНИСТАНА И ИРАНА
SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF
IRAN AND AFGHANISTAN

Несрин Алескерова

(Бакинский ГУ, Азербайджан)

Тезкере «Ламазат-и хульвийе ал-ламазат-и ульвийе»
Махмуда Джамал ад-дина ал-Хулви как основной источник
по истории средневекового суфийского братства халватийа

Средневековое материнское суфийское братство *халватийа* является ответвлением крупной мистической школы братства *сухравардийа*. Центральная ветвь *халватийа* восходила к багдадской ветви *сухравардийа* и через Зийа-ад-дина Абу-н-Наджиба ас-Сухраварди (1097–1168), а также Хасана ал-Басри (643–728) к Али б. Аби Талибу (ум. 661) и пророку Мухаммаду (570–632). В одной из двух самых достоверных вариантов центральной *силсила* упоминаются имена семи шиитских имамов. Из другой цепи духовной преемственности *халватийа*, в силу исторических политических и идеологических причин, были исключены имена шиитских имамов.

Историческое развитие братства *халватийа* делится на два периода. Первый период начинается со второй половины XIV в. и длится до второй половины XVII в. Это период зарождения братства в южных районах северного Азербайджана (нынешние Астаринский и Ленкоранский районы), его последующее распространение в северном и южном Азербайджане, в Иране, а также в Османской империи в XVI в. Второй период развития братства *халватийа* начинается с конца XVIII в. и длится до середины XIX в. Этот период характеризовался широкомасштабной деятельностью самой *халватийа* и различных ее ответвлений в Османской империи, как в европейских владениях страны, так и в арабских странах, в том числе и в Африке. *Халватийа* прославилась многочисленными *халифами*, имела более сорока ответвлений, была известна своими именитыми поэтами, литераторами и государственными деятелями.

Первым основным источником, посвященным деятельности *халватийа*, является агиографическое сочинение «*Ламазат-и хульвийе ал-ламазат-и ульвийе*» («*Прекрасные биографии великих святых*»). «*Ламазат*» также является вторым по своему значению и важности османским *тазкира*, повествующим о суфийских шейхах, после

«Тазкира-йи шу'ара-йи маулавийа», написанного членом братства маулавийа Мехмедом Эсраром Деде (ум. 1796) и посвященного представителем братства маулавийа: от основателя Джалал ад-дина Руми вплоть до деятелей второй половины XVIII в.

Автором «Ламазат» был известный османский суфий и поэт, член братств сюнбюлийа-йи халватийа и гюлшанийа-йи халватийа Махмуд Джамал ад-дин ал-Хульви (1574–1654). Сочинение почти полностью посвящено описанию биографий членов братства халватийа и его многочисленных ответвлений. Характеристике вышеназванного сочинения и посвящен данный доклад.

А.А Амбарцумян

(Издательство ФФИ СПбГУ)

«Медная крепость» в пехлевийской традиции

Мифическая «Медная крепость» (Rūyīn-dež) получила широкую известность благодаря ее упоминанию в «Шахнаме» Фирдоуси, в разделе о царствовании кеянидского царя Гуштаспа. Тексты Дакики и Фирдоуси восходят к не дошедшей до нас сасанидской легендарно-исторической эпопее «Хвадай-Намак». Зороастрийцы сохранили только один эпический фрагмент – пехлевийское сочинение «Айадгар-и Зареран» («Сказание о Зарере»), известное как «Шахнаме Гуштаспа». Наличие парфянизмов позволило предположить о существовании его парфянского прототипа в Аршакидскую эпоху.

Наиболее раннее упоминание «Медной крепости» относится именно к этому памятнику. Клан царя Виштаспа (Гуштасп) принимает «маздаяснийскую веру», и из-за этого вспыхивает война. В ней погибает Зарер. За его смерть мстит его сын Баствар, а победой войну заканчивает Спандйад. Узнав предсказания мудреца Джамаспа о гибели 23-х принцев, Виштасп приказывает построить медную крепость (diz ī gōyēn) и сделать для нее железные ворота (АЗ, 62, 63). «Медная крепость» здесь не подразумевает какого-либо конкретного топонима, а служит нарицательным обозначением любой укрепленной крепости.

В «Шахнаме» мифологема «медной крепости» получает дальнейшее развитие. Ею здесь названа столица царя Арджаспа. Исфандияр (Спандйад) одерживает победу и предаёт огню туранскую столицу. Сюжет взятия Руиндежа получил популярность в арабо-персидской литературе (Масуди, Саалиби, Табари). Видоизмененное название «Медной крепости» – «Медный город» упомянуто также в сказках «Тысячи и одной ночи». Масуди сообщает о сражениях Исбендиара с аланами и о взятии им «Медного города». В средневековой мусульманской традиции возникла ассоциация «Медной

крепости/города» с Пайкентом. Предпринимались также попытки отождествления с топонимом Багир (Ниса). Багир упоминается дважды в Бундахишне в качестве названия горы, которую «Фрасьяб-тур превратил в крепость и сделал ее своим домом» (Инд. Бунд., 12.2, 20). Ассоциация парфяно-сасанидского названия «Медной крепости» с туркменским топонимом и горой Багир, название которой этимологизируется (Дармстетер, Цегледи) как тюркское «Bağır baliğ» – «медный город», представляется маловероятной. Туркменский топоним Багир, как показал В. А. Лившиц, происходит от др.-ир. *Patigrabana – «место, где расположена таможня».

И.В.Базиленко
(ВФ СПбГУ)

Сэр Джон Малькольм (1769–1833) в британской колониальной политике и историографии

В начале XIX в. Великобритания и Франция вели войны за политическое и экономическое превосходство в Европе и в колониальных владениях. Вслед за политиками большинство британских историков представляют в своих исследованиях проникновение Великобритании в регионы Персидского залива, Красного моря и в Афганистан как естественную оборонительную политику против агрессивных планов наполеоновской Франции¹.

Генерал сэр Джон Малькольм – автор ряда известных трудов по истории Среднего Востока и Индии² начал свою карьеру в Индии в звании капитана в 1783 г. Позднее он был направлен в Иран, где разработал свой знаменитый план колонизации Персидского залива на основе информации, полученной от британской агентуры, действовавшей на Среднем Востоке.

Согласно этому документу была определена четкая последовательность поставленных задач:

– захватить о. Харк и превратить его в плацдарм для широкомасштабной экспансии в регион Персидского залива;

¹ См. Curzon G. Persia and the Persian Question. Vol.1–2.L., 1892; Rawlinson H.G. England and Russia in the East. L., 1875; Whigham H. The Persian Problem. An Examination of Rival Positions of Russia and Great British in Persia. L., 1903.

² Malcolm J. History of Persia. L., 1815; Sketches of Persia L., 1827; Memoir of Central India. L., 1823; Political history of India from 1784 to 1823. L., 1826; Sketch of the Sikhs. L., 1812; The administration of British India. L., 1832.

– привести регион в состояние анархии и постоянных междоусобиц посредством активного вмешательства англичан во внутренние дела стран Персидского залива;

– установить открытый диктат в Иране, Турции, Аравии и превратить регион Персидского залива в колониальное владение и опорную базу Великобритании.

План был наполнен очевидными агрессивными устремлениями, а тема «обороны Индии» от французов даже не была упомянута. Последующая дипломатическая и военная деятельность Джона Малькольма в Иране подтвердила его готовность действовать в соответствии с детально разработанным курсом.

Британские историки расценивают проект Малькольма как дело рук чудака, который не учитывал «мирные торговые интересы» Великобритании в Персидском заливе. Они утверждают, что план не получил одобрения британского правительства¹. Подобная оценка не соответствует действительности. Джон Малькольм составил вышеупомянутый документ в качестве официального должностного лица. Положения плана были утверждены на военно-политическом совете при генерал-губернаторе Индии 30 августа 1808 г. Британское правительство наделило Джона Малькольма особыми полномочиями для осуществления плана². Все дальнейшие политические шаги Великобритании в регионе Персидского залива были сделаны в соответствии с этим проектом. Потребовалось около 60 лет для его реализации в полном объеме. Джона Малькольма можно упрекнуть лишь за его чрезмерную откровенность и желание поторопить события.

В.И.Базиленко
(ИВР (СПбФ ИВ) РАН, СПб)

«Тазкират ал-ахвал» шейха Мухаммада-Али «Хазина» (1692–1766)
как источник по истории Ирана нового времени (20–30-е гг. XVIII в.)

1. Сведения об авторе и его родословной, сообщенные им в первой главе «Тазкират ал-ахвал». Описание обучения шейха Мухаммада-Али «Хазина» как пример воспитания детей из состоятельных семей в Иране в начале XVIII в.

2. Состояние и настроения в иранском обществе в период заката династии Сефевидов на основании впечатлений, полученных автором в ходе путешествий по городам Ирана (Исфахан, Шираз, Фарс и др.).

¹ Kelly J.B. Britain and the Persian Gulf, 1795–1880. Oxford, 1968. P. 98.

² Kaye J. W. The Life and Correspondence of Sir John Malcolm. L., 1856. Vol. I. P. 433–435, 438.

3. Афганское вторжение на территорию Ирана, описанное шейхом Али «Хазином» в качестве непосредственного участника обороны Исфахана (1721–1722 гг.) и свидетеля победы шахской армии во главе с Тахмаспом II (1722–1731 гг.) над афганским войском при г. Дамгане.

4. Вторжение турецких войск на территорию Ирана (1723 г.), сопротивление жителей Тебриза и Хамадана турецким захватчикам, восстание против оккупантов в г. Ларе по «Тазкират ал-ахвал».

5. Последствия войн и междоусобиц в Иране 20–30-х гг. XVIII в., описанные «Хазином» в ходе постоянных скитаний по разоренной стране.

6. Выдающиеся личности из числа правителей Ирана и Афганистана рассматриваемого периода, упомянутые автором, с приведением характеризующих их поступков и иных свидетельств современника.

В.С.Бойко

(Барнаулский ГПУ)

***Особенности возникновения и развития советской афганистики
(на примере научных школ Узбекистана и Таджикистана)¹***

Советская афганистика возникла в связи с потребностями нового государства (сначала России, потом СССР) как преемника Российской империи, унаследовавшего от нее не только многие особенности этно-социальной структуры, природного и отчасти хозяйственно-экономического районирования, но и долговременные интересы геополитического характера. Это обстоятельство особенно проявилось на восточном направлении внешней политики России/СССР, где в сопредельных государствах возникли новые политические силы и фигуры. Характерным примером внутренних сдвигов и внешнеполитических приоритетов стал Афганистан, за короткий исторический срок прошедший путь от британской полуколонии-буфера до государства с радикально меняющейся идеологией и политической системой.

Цель данного сообщения – анализ особенностей становления и развития региональных школ советской афганистики (ее узбекистанской и таджикистанской ветвей): их персонального состава, концептуальной и источниковедческой базы, научно-организационных особенностей. Исследование основывается на материалах архивов

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках проекта 08-01-00335а.

учебно-научных учреждений и семейных коллекций, воспоминаниях коллег и близких.

Основоположником советской афганистики по праву считается И. М. Рейснер, хотя преемственность развития этой отрасли обеспечила целая группа специалистов старшего поколения (А. Снесарев и др.). Накануне и после Великой Отечественной войны афганистика получила развитие и в республиках Средней Азии, само географическое положение которых обусловило востребованность этой дисциплины. Основы изучения Афганистана заложил А. В. Станишевский, а первыми профессиональными востоковедами-афганистами в этом регионе стали узбекистанцы А. Х. Бабаходжаев, его сын М. А. Бабаходжаев – они совершенствовали свою подготовку в ведущих учебных и научных центрах Москвы. К этой группе примыкает Т. Г. Абаева и ряд других исследователей, создавших свои главные научные труды в 1960-1980-е гг.

Основную роль в становлении афганистики в Таджикистане сыграл Х. Н. Назаров, подготовивший оригинальные труды об общественных движениях XIX – первой трети XX в. в Афганистане и целую научную школу (Ш. Имомов, К. Искандаров и др.).

Среднеазиатская афганистика – один из важнейших научно-образовательных и экспертных элементов советской афганистики, ее составная часть, сохранившая при этом свою уникальность и профессионально-личностный профиль.

Д. Васильева

(Государственный Эрмитаж, СПб)

Два взгляда на иранский театр эпохи Насер ад-Дин Шаха

Абдоллах Мостоуфи (1877–1950/1951) родился в Тегеране, в доме Хаджи Мирза Насроллаха Мостоуфи и Зибанде Ханом, его третьей жены, и стал десятым ребенком в большой семье отца. Отпрыск знатного рода, он получил образование в Школе политических наук и совершил поездку в Санкт-Петербург в качестве сотрудника Министерства иностранных дел в годы правления Мозаффар ад-Дин Шаха. Некоторое время Мостоуфи состоял на государственной службе, но затем ее оставил. С юности увлеченный литературством, он занимался переводами и опубликовал свои воспоминания в книге «Мое жизнеописание». В своей книге Мостоуфи упоминает о выступлениях трупп ряженых во время новогодних празднований, о проведении праздника осмеяния и сжигания чучела Омара – *Омаркошан*, приводит имена и некоторые детали биографий придворных шутов Насер ад-Дин Шаха, Карима Ширеи и Исмаила Баззаза. Он также сообщает ряд

интересных подробностей, касающихся церемоний *мохаррама*, детально описывает проповеди-*роузе*, процессии-*дасте* и пересказывает свои детские впечатления, связанные с посещением Такие-йе Доулат, крупнейшего театра для постановок *та'зие*, возведенного в эпоху правления Насер ад-Дин Шаха. Примерно в это же время представления в Такие-йе Доулат наблюдает и американский посол Сэмюель Грин Уильям Бенджамин.

Сэмюель Грин Уильям Бенджамин (1837–1914) родился в Греции, в г. Аргос, в семье американского миссионера Натана Бенджамин и Мэри Глэйдинг Уиллер Бенджамин. После возвращения в США он закончил колледж и получил степень бакалавра, в дальнейшем успешно занимался издательской и журналистской деятельностью. Из-под его пера вышло несколько поэтических и прозаических сочинений. Он также приобрел некоторую известность как художник-маринист и иллюстратор. С 1883 по 1885 г. находился в Иране в качестве посла в составе первого американского посольства. Впечатления, полученные во время поездки, легли в основу его книги «Персия и персы». Бенджамину удалось посетить три представления *та'зие* в Такие-йе Доулат. Он оставил описание самого театра и его убранства, порядка проведения представлений, упомянул имена нескольких актеров и подробно пересказал сюжеты исполнявшихся *та'зие*, при этом стараясь быть предельно корректным в оценке увиденного.

О.А.Воднева

(ИВР (СПбФ ИВ) РАН, СПб)

Вклад Эдварда Стирлинга (1797–1873)

в историографию Ирана и Афганистана XIX в.

1. *Биография Эдварда Стирлинга* (Edward Hamilton Stirling). Уроженец шотландского г. Коатбридж Эдвард Стирлинг (08.05.1797–14.12.1873) поступил на службу в Ост-Индскую компанию в 1816 г. В 1827 г. он занимал должность сборщика налогов (collector) округа Агра. В 1828 г. для путешествия в «страны между Персией и Индией» С. взял отпуск на один год. Во время поездки по Ирану и Афганистану он вел дневник с 9 февраля 1828 г. (Бомбей) по 7 января 1829 г. (Кабул).

2. *Научная деятельность*. Стирлинг опубликовал исследование об Афганистане (L., 1835), несколько статей (Journal of the Asiatic Society of Bengal, v. III. 1834; v. X. 1841).

3. *Маршрут путешествия*. Главные остановки: Бомбей–Бушир–Шираз–Тегеран–Сабзевар–Мешхед–Меймене–Мазари Шариф–Бамиан–Кабул (журнальные записи обрываются). Известно, что обратный путь пролегал через Джалалабад, Пешавар, Атток, Лахор, Лудиану.

4. *История обнаружения дневника.* В архиве Королевского географического общества Великобритании сохранилось пять разных по объему и оформлению томов дневника путешествия С. Часть дневниковых записей была опубликована в «The Journals of Edward Stirling in Persia and Afghanistan, 1828–1829. From manuscripts in the archives of the Royal geographical society». Edited and with an introduction by Jonathan L. Lee. (Naples, 1991).

5. Наблюдения Стирлинга в Иране и Афганистане. Содержание дневника: путь из Бомбея в Шираз (т. 1), Тегеран, остановка в Мешхеде (т. 2), пребывание в Мешхеде, дорога в Пандждех, Меймене, Хульм (т. 3), ботанические наблюдения, путь в Кабул (т. 4), краткая история русско-иранских отношений по сочинениям европейских авторов, медицинские заметки, рассуждения о трудах шотландского экономиста и философа Адама Смита (1723–1790), описание Хорасана (экономика, торговля, география), дорога Кабул–Герат через Бамиан (т. 5). Наибольший интерес представляют этнографические записи.

Н.Р.Гезалова

(ИИ НАН Азербайджана, Баку)

Современная историография государства Надир-шаха Афшара

Историю первой половины XVIII в. принято рассматривать как поворотный пункт в истории Ирана. Изучение эпохи Надир-шаха имеет богатую традицию – оно началось еще при жизни самого великого полководца. Сейчас литература о Надир-шахе и его времени может составить целую библиотеку, хотя, несмотря на многочисленные публикации, серьезных трудов лишь несколько. Исторические исследования двадцатого столетия представлены многочисленными работами по истории Ирана первой половины XVIII в., тем не менее, собственно историографических работ, посвященных эпохе и личности Надир-шаха Афшара, значительно меньше.

Современная мировая историография эпохи Надир-шаха тесно связана с именем известного ираниста Л. Локкарта, автора двух монументальных работ по истории первой половины XVIII в. Его труд об эпохе Надир-шаха Афшара настолько фундаментален, что и по сей день в качестве образцового научного пособия удовлетворяет запросы ученых. Труд М. Арунова и К. Ашрафян – первое монографическое исследование социально-экономической жизни государства Надир-шаха Афшара, восполнившее существенный пробел в этой области. От этих двух монументальных трудов формально принято вести отсчет лучших современных достижений мировой иранистики в области изучения эпохи Надир-шаха.

Новый всплеск интереса наблюдается после публикации VII тома Кембриджской Истории Ирана, где события эпохи Надир-шаха Афшара были рассмотрены Питером Авери. В настоящее время появилось множество новых публикаций; наиболее значимые – это работы Эрнеста Такера и Майкла Аксуорти. Исследования этих ученых основаны на многочисленных данных источников, изданных и неизданных, отличаются подробностью изложения, строго научным подходом к материалу. Последние научные исследования истории эпохи Надир-шаха привели к пересмотру целого ряда устоявшихся, весьма популярных дат, взглядов на цели и результаты деятельности Надир-шаха. Все эти труды с определенностью вытекали из нараставшей в мировой иранистике потребности проанализировать методiku и систему аргументации, отсеять несостоятельные интерпретации, заполонившие исследования по истории Надир-шаха.

Очередной задачей историков является комплексное исследование всех исторических памятников и источников во всей их совокупности и многоязычности, их сравнение и сопоставление, тщательная проверка и анализ каждого сообщаемого ими факта. Лишь таким путем можно решить споры, связанные с определением роли Надир-шаха Афшара в истории Ирана и всего региона.

Г.Д.Даушвили
(ВФ СПбГУ)

*О неизвестном торговом пути из Бадахшана
в Восточный Афганистан*

В 1952 г. в восточном Афганистане была обнаружена военная хроника *Sifat Nāma* (SN) на фарси-кабули (дари). Новый источник рассказал о войне 990 г. Х. (1582), инициированной тимуридским правителем Кабула – Мухаммадом Мирзой Хакимом (1553–1585). При описании военных действий мусульманский летописец-участник похода против лагманских кафиров, сообщил о неизвестном другим источникам караванном пути из Бадахшана, шедшим прямо через кафирский Лагман, минуя Кабул. В том же фрагменте текста SN сообщалось о большом международном базаре, существовавшем в кафирском ущелье Акавар во времена Тимур-ленга (1336–1405).

В XIV–XVI вв. коренное дардоязычное население ущелий Лагмана еще не было мусульманским. Небольшая мусульманская община пашаи уезда Алишанг вплоть до 1582 г. оставалась здесь в численном меньшинстве. Ко времени прибытия Тимура в восточный Афганистан (1398) разрушенный монголами Кабул не имел серьезного значения для

торговли. По-видимому, еще в середине XIII в. региональный торговый путь сместился из района Кабула в соседний Лагман, не знавший масштабных разрушений. Образовавшийся таким образом резервный торговый путь прошел по древней дороге через ущелье Акавар, где в период Хиндушахов (VIII–X вв.) находились укрепленные центры индуизма. Согласно сообщению лагманской хроники, в период правления Тимура враждебная исламу индо-кафирская среда лагманских ущелий не препятствовала торговле и передвижениям купцов-мусульман. Возможно, причиной этому был договор, ставший результатом военной победы мусульман.

Летописец Гийас ад-Дин (нач. XV в.) упоминает о победоносном рейде Тимура в западный Кафиристан накануне его Индийского похода (1398). Эти сведения подтверждаются хроникой SN и фольклором лагманских племен.

Захир ад-Дину Бабуру об Акаварском торговом пути ничего не известно, и это, видимо, означает, что уже к началу XVI в. ни караванного пути, ни базара в Акаваре не существовало. С учетом данных SN это можно объяснить тем, что установленный Тимуром контроль над кафирскими племенами Лагмана ко времени Бабура был полностью утрачен.

Причиной возрождения древнего торгового пути через Лагман стали последствия монгольских рейдов в районы Кабула и Каписы. Пик активности «альтернативной» Акаварской дороги пришелся на период правления Тимура, фактически присоединившего территорию лагманских кафиров к своему кабульскому владению.

После смерти Тимура лагманские кафиры вернули себе контроль над внутренним Лагманом, в результате чего ко времени Бабура основной торговый путь из Туркестана в Индию вновь пошел через Кабул, оставляя Бадахшан в стороне, а кафирский Лагман в изоляции от главных коммуникаций.

Помимо лагманских племен историческая память о торговом пути из Бадахшана в восточный Афганистан и Пенджаб через Кафиристан сохранилась у восточных кафиров, читральцев и таджиков Памира.

*Г.Д.Даушвили
(ВФ СПбГУ)*

*О двух «кафирских» технических терминах из дариязычного текста
второй половины XVI в. (Восточный Афганистан)*

В 19–25 строках 10–го дастана персоязычной военной хроники Sifat Nāma (SN) 2-й пол. XVI в. из Лагмана (восточный Афганистан) при

описании враждебной мусульманам территории западного Кафиристана были зафиксированы два уникальных «кафирских» технических термина – *kankār* и *dānkankra*.

Военные действия, описанные в хронике SN, охватывали горные ущелья Каписы и внутреннего Лагмана, издревле населенные дардоязычными племенами группы пашаи. Домусульманской религией этих племен был индо-шиваизм, восходящий к общерегиональной культуре Западной Гандхары.

Наше исследование топонимики зоны боевых действий показало, что в XVI в. помимо коренного населения в ущельях Лагмана уже находились отдельные группы паштоязычного населения, поклонявшегося местным «кафирским» богам и участвовавшего в общекафирской военной коалиции в войне 990 г. Х. (1582) против мусульман.

Автор хроники SN – имам мусульманского войска, отправленного тимуридским правителем Кабула для покорения кафинов Лагмана, пояснил, что «канкаром» (*kankār*) лагманские кафиры называли меч (*šamšer*, перс.), из чего согласно его толкованию следовало, что *dānkankra* «это что-то вроде меча».

Наше исследование показало, что в действительности *kankār* хроники SN оказался кафирским трехгранным кинжалом *kankra*, аналогичным средневековому афганскому кинжалу *ketāra* (перс.). «Кафирское» слово *kankra* соответствовало пуштунской и персидской диалектным формам *kungra/kungura* ‘зубец’, ‘заточка’, ‘острый предмет’, возможно когда-то заимствованным у дардоязычных кафинов через посредничество языка пашто в одной из пограничных контактных зон в восточном Афганистане.

Второе «кафирское» слово *dānkankra* оказалось комбинацией хорошо известного дариязычного технического термина *dahān/dahāna* ‘узкий горный проход’, с вышеупомянутым западно-дардским техническим термином *kankra* ‘трехгранный кинжал’, откуда точное значение технического термина *dānkankra* – ‘кинжалообразный горный проход’. Любопытно, что попутно восстановленный неизвестный ранее вид холодного оружия лагманских кафинов – трехгранный кинжал *kankra*, вместе с близкородственным ему афганским кинжалом *ketāra* не имели аналогов среди холодного оружия народов Средней Азии и Ирана, а по форме своего трехгранного лезвия ассоциировались с ритуальными метательными кинжалами *phurbi*, распространенными среди тибетских последователей бон-буддизма в более ранний период.

Сообщения средневековых китайских и арабоязычных авторов о массивном проникновении тюркских племен из Тибета в Читрал,

Капису и Кабул, где в VI–VII вв. тюрки-немусульмане установили свою верховную власть над «местными индийцами», основав последние местные династии, поддерживавшие индуизм, позволяют предполагать возможность исторического экспорта данного вида оружия в западный Кафиристан непосредственно из Тибета.

Представленное здесь сообщение хроники SN остается абсолютно уникальным как для истории Афганистана, так и для раздела исследований по коренным культурам Восточного Гиндукуша.

В.А.Дмитриев
(Псковский ГПУ, Псков)

***Дейлемиты в составе сасанидской армии
по данным позднеантичной исторической традиции***

Иранское войско эпохи Сасанидов (III–VII вв.) всегда отличалось весьма пестрым этническим составом. В период VI–VII вв. заметную роль в сасанидской армии играли отряды дейлемитов¹ – жителей Дейлема, горной области, располагавшейся вдоль юго-западного побережья Каспийского моря (Proc. Bell. Goth. IV. 14; Agath. III. 17. 6–9; 28. 6–7; Theophyl. IV. 3. 1; 4. 17).

Достаточно подробные сведения о дейлемитах приводят Прокопий Кесарийский (Proc. Bell. Goth. IV. 14), называющий их доломитами, и Агафий Миринейский, упоминаящий этот народ под именем дилимнитов (Agath. III. 17). О примерной численности дейлемитов в составе персидского войска можно судить по данным Агафия, который указывал, что на службе у персов находился трехтысячный отряд дейлемитов (Agath. III. 17).

Функции дейлемитов в боевых действиях были весьма важными. Они восполняли своеобразный пробел, связанный с отсутствием у персов собственной боеспособной пехоты, и потому в определенных ситуациях были незаменимы. В частности, это касается штурма византийских крепостей, особенно на тех участках, где крепостные стены стояли на гористых склонах (Proc. Bell. Goth. IV. 14), внезапных ночных нападений, в которых дейлемиты (по причине отсутствия у них, как у пеших воинов, лошадей) могли совершенно бесшумно приблизиться к расположению вражеских войск (Agath. III. 18), выполнения отвлекающих маневров, исполнителем которых должна

¹ См.: *Felix W. Deylamites. I. The pre-Islamic period* // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 7. 1996. P. 408.

была быть именно пехота, с тем, чтобы дать возможность конному войску персов перегруппироваться для атаки или же организованно отступить (Agath. III. 28).

В то же время дейлемиты, как, в прочем, и большинство наемников-иноземцев, не отличались безоговорочной верностью Сасанидам. Так, Феофилакт упоминает о заговоре, направленном против Ормизда IV, одним из организаторов которого был предводитель дейлемитов по имени Зоараб (Theophyl. IV. 3. 1).

Умед Мамадшерзодшоев
(Хорогский ГУ, Таджикистан)
Исторические и религиозные документы Памира

Исторические и религиозные документы и рукописи являются одной из наиболее ценных составляющих культурного наследия любого народа и играют первостепенную роль в изучении исторических, политических, культурных, религиозных и других сторон его жизни.

На Памире до сих пор хранится больше 3000 исторических и религиозных документов и больше 10000 персидских и арабских рукописей на разные темы. Однако, к сожалению, до сегодняшнего дня исторические и религиозные документы Памира не собраны и не изучены исследователями.

Названные документы можно классифицировать следующим образом:

- *Насабнаме* (генеалогии сейидов и правителей Памира). Наиболее ранние из них относятся к XVI веку, а остальные – к XVIII, XIX и началу XX вв. Посредством этих генеалогий можно получить информацию об истории распространения различных родов на территории Памира, деятельности религиозных проповедников в Бадахшане и истории бадахшанских шахов.
- *Фарманы* (проповеди исмаилитских имамов Ага Хана I, Ага Хана II, Ага Хана III). Эти проповеди, относящиеся к XIX – началу XX вв., дают возможность изучать историю культурных связей бадахшанских исмаилитов с исмаилитами Индии и исмаилитскими имамами.
- *Расиды* (расписки в получении). Эти документы относятся к *зякету*, налогу, который в прошлые века бадахшанские исмаилиты ежемесячно платили своим имамам.
- *Письма*. К их числу относятся письма, которые были посланы из Индии в Бадахшан и из Китая в Бадахшан в XIX в. Эти

документы проясняют отношения между названными государствами.

- *Документы администрации Бухарского эмирата в Бадахшане.* Как известно, в XIX в. часть Памира была отдана бухарскому эмирату, вследствие чего бухарские эмиры открыли на Памире *казиате*, судебные органы, где составлялись правовые документы, документы о земле, купле-продаже и другие. В результате изучения этих документов можно исследовать историю отношения бухарского эмирата с разными областями Памира.
- *Документы правительства Российской империи.* До Социалистической революции Памир подчинялся правительству Российской империи. До сегодняшнего дня сохраняется большое количество документов того времени, относящихся к XIX – началу XX вв.

До начала XX вв. большинство документов Памира составлялись на персидском/дари языке в арабской графике. Несомненна значимость этих документов для изучения истории распространения персидского/дари языка среди памироязычных народностей. Часть этих документов в последние годы правления Российской империи на Памире была переведена на русский язык.

Сегодня исторические и религиозные документы Памира хранятся не в библиотеках и музеях, а в частных домах жителей Памира. К сожалению, условия хранения этих документов вызывают серьезные опасения относительно их дальнейшей сохранности. Есть большая вероятность их исчезновения, в связи с чем необходимо принятие срочных мер по поиску и фотокопированию этих ценных документов.

И.К.Павлова
(ИВР (СПбФ ИВ) РАН, СПб)

Ф.А. Султанов и его деятельность по обустройству Энзелийского порта

В начале XX в. в связи с расширением деятельности российских предпринимателей в Персии и увеличением интенсивности морских перевозок по Каспию перед перевозчиками наиболее остро встает вопрос об обустройстве и расширении функций Энзелийского порта. Ценные материалы, связанные с этой темой, были обнаружены нами в Российском Государственном историческом архиве, которые, насколько нам известно, до сих пор еще не были востребованы исследователями. Среди упомянутых документов следует назвать «Дело об отчетности инженера Султанова». С деятельностью Ф. А. Султанова в Персии

отрывается новая страница в деле по обустройству морского порта в Энзели.

С 1 января 1904 г. Федор Алексеевич Султанов, статский советник, инженер по образованию, стал «заведующим работами» по строительству упомянутого порта. Несомненно, он был грамотным специалистом, вдобавок еще владеющим персидским языком (в документах сохранились бумаги с пометкой «перевел с персидского Ф. Султанов»). Эти качества позволили ему стать начальником столь непростого строительства. Попутно отметим, что среди документов хранится его заграничный паспорт стоимостью 20 руб. Любопытно, что паспорт был заполнен на французском языке, но проштампован персидской печатью с названием порта «Энзели».

Занимая эту важную и хлопотливую должность, он нес ответственность за все, что происходило в порту. В своих отчетах, направляемых российскому правительству и в Министерство иностранных дел России, он сообщал о трудностях строительства, о приобретенных материалах, о проведенных работах и т.д. Знакомство с «Делом» позволяет нам выявить имена рядовых российских инженеров, служащих, рабочих, принимавших непосредственное участие в строительстве порта. Как правило, имена простых людей во многих случаях остаются вне поля зрения исследователей, поэтому с этой точки зрения его сведения являются крайне актуальными для осмысления российской истории.

Все вышесказанное позволяет нам считать упомянутый отчет Ф. А. Султанова важным документом как для изучения русско-персидских отношений начала XX в., так и организации портового дела в целом.

***Е. Писчурникова
(ВФ СПбГУ)***

О петербургском списке дивана ‘Абд ал-Хамида Моманда

‘Абд ал-Хамид Моманд (ок.1650–1732) – один из крупнейших афганских поэтов-классиков, однако его творчество мало изучено за пределами Афганистана и Пакистана. Количество списков дивана Хаида, зафиксированных в каталогах афганских рукописей, крайне мало. Два списка (XVIII и XIX вв.) хранятся в библиотеках Великобритании (Blumhardt, Mackenzie, 1965), один – в Институте восточных рукописей РАН (Кушев, 1976; В 1864). Петербургский список относится ко времени правления Тимур-шаха Дуррани (1773–1793). Первое издание дивана Хаида было осуществлено афганским филологом С. Риштином в 1952 г. в Кабуле, другое, подготовленное

Анвар ал-хакком, вышло в Пешаваре в 1958 г. В предисловии к пешаварскому изданию сказано, что оно выполнено на основании двух предшествующих изданий, выпущенных Муллой 'Абд ал-Гаффаром Кандахари и С. Риштином. Однако не известно, на какие рукописи опирались эти предшествующие издания. Совершенно очевидно, что стихотворное собрание Хамида еще нуждается в текстологическом и кодикологическом исследовании.

В петербургском списке дивана структурно выделены четыре раздела, соответствующие жанровым формам и включающие 249 газелей, один таркиббанд, один мухаммас и два четверостишия руба'и. За последним руба'и, перед колофоном, следует стихотворение некоего Фатх-'Али. Пешаварское издание дивана в целом повторяет структуру петербургского списка, однако в раздел газелей включено 274 стихотворения – на 25 стихотворений больше, чем в петербургской рукописи.

Из колофона петербургского списка известно имя переписчика – Мухаммад Факир Утманзай. В афганской коллекции ИВР имеется еще одно сочинение, переписанное Мухаммадом Факиром, который, по мнению В. В. Кушева, был сыном малоизвестного ныне поэта Мухаммада А'зама Кодизая (Кушев, 1980).

В сравнении с пешаварским изданием петербургский список дивана Хамида содержит существенно меньший объем стихотворных текстов. Значительные различия, обнаруженные при сравнительном анализе пешаварского издания и петербургского списка, позволяют утверждать, что его протограф существенно отличался от рукописей, взятых за основу афганских изданий. Сравнение доступных рукописных и ранее опубликованных текстов дивана Хамида должно быть продолжено с целью уточнения чтений неясных мест, представляющих трудности для перевода, а возможно и с целью уточнения авторства некоторых стихотворений Хамида.

*А.О.Победоносцева
(ВФ СПбГУ)*

Курды в русских периодических изданиях XIX в.

В докладе представлен обзор периодических изданий XIX в., предназначенных как для широкого круга читателей, так и для ученых специалистов, занимавшихся курдской тематикой.

Начиная с XVI в., когда территория проживания курдов была разделена между Османской империей и Персией, Курдистан притягивал к себе пристальное внимание Запада и России как один из самых нестабильных регионов двух упомянутых держав, особенно в

период ослабления их политического могущества. Изучение курдов и курдского языка учеными начинается в середине XIX в. В России пионерами в этой области востоковедения были В. Диттель, Х. Абовян, И. Березин, П. Лерх и др. В первой половине XIX в., до появления специализированных исследований, публиковались лишь отдельные статьи и высказывания путешественников о курдском языке, этнографии и истории курдов.

Середина XIX века ознаменована важной датой в истории русской географической науки – открытием в 1845 г. по инициативе Ф. П. Литке Русского Географического Общества, сыгравшего большую роль в достижениях русских исследователей. Исключительно важными для изучения курдов являлись такие издания Кавказского Отдела, как Записки Кавказского отдела Императорского Географического Общества и Известия Кавказского отдела Императорского Географического Общества, в которых, помимо различных географических очерков и отчетов, появлялось много этнографических и лингвистических исследований и наблюдений, публиковавшихся в российской периодике того времени.

Значительный вклад в развитие курдоведения внесли сообщения офицеров Генерального штаба, участников военных действий в русско-персидских и русско-турецких войнах, а также представителей дипломатических миссий относительно событий, происходящих в регионе.

Дальнейший анализ русских периодических изданий, содержащих информацию о событиях в реальном времени, позволит лучше изучить курдский вопрос, который остается актуальным и в наше время.

Е.И. Серова
(ВФ СПбГУ)

Персидская рукопись XVIII в. «Та‘бират-и хаб аз имам Джа‘фар Садик» как источник по традиции онейроскопии (снотолкования) в Иране

Рассматриваемый в докладе источник – персидский сонник XVIII в. «Та‘бират-и хаб аз имам Джа‘фар Садик» («Толкование сновидений от имама Джа‘фара Садыка») – входит в состав рукописи, хранящейся в Институте восточных рукописей РАН (В 2385). Сонник включен в сборник гаданий и предсказаний, который не имеет названия, но в каталогах озаглавлен как «Китаб-и фалгири» («Книга гаданий»). Само толкование сновидений составляет в рукописи отдельное произведение, датированное 1199 г. х. [1784 г.]. Текст сонника располагается на пяти листах рукописи (лл. 1076–111а) и написан каллиграфическим насхом.

Сонник состоит из 38 глав (баб). Авторство его текста составитель сборника приписывает шестому имаму шиитов – Джа‘фару Садику (700–765), что является распространенной в тот период практикой, призванной подчеркнуть авторитет и непрерывность традиций снотолкования.

Сонник является ценным источником по традиции онейроскопии (снотолкования) в Иране, так как является отражением как древнеиранских народных верований, существовавших еще в период расцвета зороастризма, так и более поздней мусульманской традиции. Об этом свидетельствует довольно обширный набор древнеиранских символов сновидения, которые впоследствии были в значительной мере дополнены символами, присущими непосредственно исламу, и к которым под влиянием трудов таких мусульманских философов, как ал-Фараби, Ибн Сина, Ибн Рушд, Ибн Сирин, ал-Газали, позже были добавлены элементы философского анализа.

На основании данных, полученных при прочтении «Та‘бират-е хаб», можно сделать вывод о непрерывности традиции интерпретации снов в Иране, а также о влиянии на нее культур соседних с Ираном регионов Ближнего и Среднего Востока.

Ю.Н.Тихонов
(Липецкий ГПУ)

***Документы «Референтуры по Афганистану» АВП РФ
о ситуации в зоне пуштунских племен в годы Второй мировой войны***

Развязав Вторую мировую войну, Германия и ее союзники длительное время пытались спровоцировать мощное антибританское восстание пуштунских племен, чтобы сковать значительную часть британских войск в Индии и не допустить поставок вооружения по ленд-лизу в СССР. Материалы «Референтуры по Афганистану» (071) Архива внешней политики Российской Федерации позволяют осветить обстановку в зоне пуштунских племен и вокруг нее в 1939–1945 гг.

Наиболее важными источниками по указанной проблеме являются донесения советского посла К. Михайлова. Его доклады и справки позволяют изучить ранее неизвестные страницы соперничества великих держав в Афганистане.

Много данных о ситуации в зоне пуштунских племен имеется в записях бесед советских дипломатов в Кабуле с членами афганского правительства и дипломатами других стран. В указанных документах имеется обширный материал о попытках стран «оси» спровоцировать восстание пуштунов в Южном Афганистане и Индии.

В донесениях советского военного атташе Я. Карпова о военно-политической ситуации в Афганистане в начале Второй мировой войны содержится информация об интригах дипломатических миссий Германии и Италии среди пуштунов.

В начале 1944 г. эта тема получила детальное освещение в беседах поверенного в делах СССР И. Самыловского с итальянским посланником П. Кварони, который по приказу правительства маршала Бадольо был вынужден рассказать многое о германо-итальянском сотрудничестве с целью организации антибританского вооруженного восстания в полосе «независимых» племен Британской Индии.

События, связанные с крупным антиправительственным мятежом в Южном Афганистане в 1944–1945 гг., собраны и проанализированы в материалах, составленных советским послом И. Бакулиным.

Таким образом, документы «Референтуры по Афганистану» АВП РФ являются ценными источниками по истории международных отношений в Центральной Азии и вооруженной борьбы пуштунских племен против Англии.

Наргиза Шоалиева
(ТашГИВ, Ташкент)
Неосуфизм Сухраба Сипехри

Вопросы религии, роли человека в мироздании, веры как способа совершенствования морально-этических взглядов человека занимают особое место в творчестве иранского поэта Сухраба Сипехри (1928–1980). Его современную интерпретацию средневековых суфийских постулатов можно расценить как перевоплощение средневековой концепции человека и веры в новом социально-историческом контексте. В этом ракурсе поэзия С. Сипехри представляет собой своего рода «неосуфизм», новую волну увлечения религиозной философией тасаввуфа.

По мнению С. Сипехри, вера – это средство духовного воспитания и совершенствования, а религия – способ, которым вера воплощается в жизнь. Вера – сугубо индивидуальна, она может существовать как в рамках традиционных вероучений, так и за их пределами. Но при этом всегда должно сохраняться главное качество веры – способность духовно развивать человека.

Поэтическая диалектика взаимоотношений Божества и Человека в стихах С. Сипехри уходит корнями в поэзию Руми, Атгара и Бедиля. Поэт черпает вдохновение из истоков средневекового гуманизма, отраженного в произведениях персидских классиков. В классической традиции Сипехри находит ответы на многие злободневные вопросы

современного мироздания, особо подчеркивая активную роль человека в постижении красоты и неповторимости мира. Индивид, лирический герой поэзии С. Сипехри всегда рассуждает на общечеловеческом уровне, осознавая ту глобальную функцию, которой он был изначально наделен Богом. При этом поэт не ограничивает себя исключительно идеями суфийской философии, он идет по пути поиска новых взглядов на мироздание и смысл человеческой жизни, выступает проповедником «межрелигиозного согласия», толерантности, возвышает понятие «человек» над понятием «религия».

С. Сипехри – это поэт-мыслитель, новый суфий, который создает собственный современный путь достижения истины, свой тарикат. Хотя этот путь разработан поэтом не так скрупулезно, как это сделано классической традицией тасаввуфа, и выходит далеко за рамки одной религии, однако он способен примирить людей, показать им красоту и величие окружающего мира, побудить их заглянуть внутрь самих себя. Земной путь поэта – это путь любви, путь познания красоты вселенной и самопознания, путь, который может быть пройден только с верой.

О.М.Ястребова

(Российская Национальная библиотека; ВФ СПбГУ)

«Маги знают цену вину...»

(Стихи зороастрийца XIII века о вине)

В РНБ хранится переписанный в Бухаре в XVII в. сборник, содержащий список поэмы «Ardāy Vīrāf nāma» зороастрийского автора XIII в. Зартушта Бахрама. Список уникален, так как представляет расширенную авторскую редакцию поэмы, в которую, помимо непосредственно сюжета о путешествии в загробный мир праведного Виразы, включено значительное количество притч, пассажей дидактического и лирического характера.

Заключительный раздел озаглавлен в рукописи как «Воспевание весны (bahāgīyāt) Бахрама Пажду». Заголовок приписывает авторство раздела Бахраму, отцу Зартушта, однако стиль и язык фрагмента не отличаются существенно от остальных частей текста, а в автобиографическом предисловии ничего не сказано о занятиях отца Зартушта поэзией. Поэтому, возможно, что атрибуция ошибочна или же заголовок является своеобразным посвящением.

Начальная часть раздела посвящена описанию весенней природы. Далее автор описывает утреннюю пирушку с вином в весеннем саду в обществе друзей. От этой темы он переходит к описанию процесса выращивания винограда и изготовления вина зороастрийцами (muṣyān).

Автор описывает совершаемые виноделами операции в форме наставления, избыточно художественными преувеличениями. Виноградник должны охранять приятные и красноречивые сторожа. Лозы сажают при благоприятном положении светил, почва виноградника – это благовония и драгоценные камни, деревянные подпорки сделаны из чистого золота, для полива служит розовая вода. Грозди должны собираться руками мубадов, давящий чан должен быть изготовлен из серебра, подставка для него – из сандала. Давят виноград ноги людей благородного происхождения (*pākHzādagān*), в хум, который должен быть сделан из бирюзы и изумрудов, сок переливают руки праведников (*rādān*). Над наполненным хумом необходимо прочесть ритуальные молитвы, запечатав его благовонной глиной. Когда через шесть месяцев хум откроют, сначала следует восхвалить зороастрийскую веру (*dīn-i Yazdān*) и произнести молитвы, а попробовать вино нужно во время ритуальной трапезы (*mīzd*, пехл. *mēzd*). Вино следует пить людям благородным (*pākHzāda*) и праведным, чтобы «открыть двери радости и добрых дел», но при этом нужно воздерживаться от опьянения и гнева.

Текст «*Bahāriyāt*» уникален, так как он создан зороастрийцем, но находится в русле традиций, сложившихся в придворной персидской поэзии в IX–XIII вв. Характерно, что при описании изготовления вина автор называет зороастрийцев термином *magiān* (маги), традиционным для мусульманских авторов, хотя в остальных случаях предпочитает термин *bihdīn*. Отличительной особенностью данного текста является упоминание о совершении зороастрийских религиозных обрядов, сопровождавших различные стадии процесса изготовления вина.

Fereidoon Allahyari
(University of Isfahan, Iran)
Restoration of the concept of Iran
in major Historiography of the Mongol period

Gradual migration of Aryan tribes to the Iranian Plateau prepared the grounds for the formation of a political identity based on a distinct territory, population and government. This became expressively manifested as Iran and *Iranshahr* – Iranian state – in the Sasanid texts and inscriptions. The collapse of the Sasanid dynasty dissolved this independent entity in a complex whole called *Dar al-Islam*, *Ummat al-Islam* or Islamic Caliphate. Although the Iranian identity continued to thrive within the cultural and linguistic framework, from the very beginning of the Islamic period specific Iranian elements created serious problems when they tried to achieve independence and reconstruct the Iranian entity. Early cultural, social and political movements with

explicit Iranian elements cleared the way to restore the ancient entity of Iran.

The collapse of the Abbasid Caliphate and formation of the Ilkhanid government favoured the restoration of the concept of Iran and *Iranshahr*. Ilkhanids ruled over united dominions that approximated to the territory of the ancient Iranian kingdoms. Iranian elites as well as historians presented Mongol governors as ancient kings of Iran. Concepts like 'Iran', 'Iranshahr' and 'Iran-zamin' were widely reflected in historical texts during the Mongol period. The present paper attempts to study the circumstances of restoration of the concept of Iran in the works of four major historiographers of the Mongol period: Jouvaini, Rashid al-Din, Wassaf al-Hazrah and Hamdullah Mustawfi.

Christine Allison

(University of Exeter, UK)

*A cacophonous dialogue: Social memory and official 'History'
amongst Kurdish speakers of the Caucasus and Turkey*

For most inhabitants of the Kurdish-speaking regions, knowledge of the past was traditionally transmitted orally, most often entextualised in folkloric genres. Knowledge of formal history and historiography became generally available quite recently, under the nation-states of the twentieth century, with their hastily-formed canon of national history influenced by European traditions of historiography. For many Kurdish inhabitants of Turkey the State discourse of history, learned in school, was in direct conflict with localised discourses learned from family and friends. More recently, Kurdish nationalists have entered the discourse, promulgating a unified Kurdish history, as monolithic and authoritative as State discourses. In the absence of easily available written historical sources, they often have recourse to 'folkloric' material, despite the obvious difficulties in using utterances from a multi-voiced and highly contested discourse as sources for authoritative history.

The result is not so much a dialogue as a cacophony of accounts of the past, which has to be negotiated with some care by Kurdish speakers themselves. This paper will compare two groups: the Kurdish speakers in the Caucasus, especially Armenia, where literacy arrived early and an educated class of Kurdish writers established itself rapidly under the Soviet system; and those of Turkey, where mass literacy arrived later in Eastern Anatolia and all schooling remains in Turkish. Apparently in Armenia the Kurdish speakers negotiated the demands of tradition and modernity with some success – they and their Russian and Armenian partners made scientific studies of folklore and tribal history, but their folkloric traditions remained alive, many of them still practiced today. The reasons for this include not only the possibilities offered by the Soviet system for developing culture for those of Kurdish na-

tionality but also their diasporic status and strong community memory of the homeland in Ottoman Turkey. In Turkey, however, the clash between tradition and modernity was very harsh and ‘modern’ historic discourse in schools and the media remained focused on exclusively Turkish identity until the 1980s and 1990s, when Kurdish actors generated a written and broadcast discourse of their own.

Seyed-Saeed Ayat
(*Najafabad Payame Noor Univeristy, Iran*)
Mostafa Pirmoradian
(*Isfahan University, Iran*)

The Name of the Persian Gulf and its Appearance in the History

This paper analyzes some of the well-known historical references where the name of the Persian Gulf is mentioned. In the recent years a tendency is being observed to refer to the Persian Gulf as Arabian Gulf (AG). The term ‘Arabian Gulf’ (*Sinus Arabicus*) was formerly used to refer to what is now known as the Red Sea. This usage had found its way into European maps from, among others, Strabo and Ptolemy, who called the Red Sea *Sinus Arabicus* (AG).

Claudis Ptolemaeus, the Greco-Egyptian author of the 2nd century AD, was among the first ones who named the modern Persian Gulf ‘Persicus Sinus’. In the 1st century AD, Quintus Curticus Rufus, the Roman Historian, designated it ‘Aquarius Persico’ – the Persian Sea. Thus, from the early stages of the recorded history, the Persian Gulf has been referred to as such by various authors. In modern times, the United Nations (with 22 Arab member states) has officially declared the name of the body of water between Iran and the Arabian Peninsula as the Persian Gulf. The first announcement was made through the document UNAD, 311/Qen on March 5, 1971 and the second was UNLA 45.8.2 on August 10, 1984.

Most recently, in 1994 and 1999, the UN Secretariat has issued two editorial directives which state that only the term ‘Persian Gulf’ should be used in UN documents. ‘AG’ was described to be ‘faulty’ also by the 8th United Nations Conference on the Standardization of Geographical Names (Berlin, 2002). Despite that, there were some quite recent attempts to use ‘AG’ as an alternative name for the Persian Gulf. Thus, in 2004, the National Geographic Society published a new edition of its *National Geographic Atlas of the World* using the term ‘AG’ as an alternative name for the Persian Gulf. After a lot of protests expressed by many scholars, on December 30, 2004, the society revised its decision and published an Atlas Update, removing the parenthetical reference and adding a note: ‘Historically and most commonly

known as the Persian Gulf, this body of water is referred to by some as the AG.’

Ali Ferdowsi
(Notre Dame de Namur University, Belmont (CA), USA)
Emblematic Identity and Management of Self-presentation:
the Case of Hajj Sayyah

Hajj Sayyah (Mirza Mohammad Ali Mahallati, b. 1836 – d. 1924) is the first Iranian to have become a US citizen. His global travels brought him to the US shortly after the Civil War, and it was towards the end of his sojourn in the US that he became a US citizen in May of 1875. His travel notes from Russia, Europe and parts of Asia and Iran have been found and published earlier.

Fortunately, portions of his travel journals written in the US have also survived; these I am currently preparing for publication. The extant portions of Hajj Sayyah’s American travelogue allow us to get glimpse of one of the first encounters, if not the first one, between an Iranian and Americans on the US soil. This put him in the awkward, but all too familiar position of answering for ‘his people.’ Hajj Sayyah was forced to assume an ‘emblematic’ identity, someone who acts and speaks not as individual, but as a representative. Interestingly, this identity is multidimensional – Asiatic, Muslim and Persian, that allows room for maneuver to Hajj Sayyah.

This paper explores the strategies Sayyah uses to manage a presentation of the self in response to enforced ‘otherness’. Surprisingly, the questions that were put to him as an Asiatic, Persian and Muslim by his American interlocutors have a lot in common with the questions asked of Middle Easterners today. His answers to these questions are also remarkably similar, as are his counter questions, to what is often espoused by those who try to explain Islam and the Middle East to an American audience. Violence, intolerance and polygamy figure among the main charges leveled against Islam and the Middle East. In return, Hajj Sayyah accuses his interlocutors of harboring unfounded opinions about Asians and Persians, and a profound misunderstanding of the true nature of Islam and the Middle Eastern people, and self-serving mental projections. The paper intends to provide a close reading of few of Hajj Sayyah’s interesting, at times heated, conversations with Americans who take him to ask on his background.

Mehrdad Ghodrat-Dizaji
(Urmia University, Iran)

The Concept of North in Sasanian Administrative Geography

In the 6th C. AD, the old divisions of the Sasanian Empire underwent changes and a new organization emerged. According to this reorganized division, the Empire was divided, within the pattern of the four cardinal points, into four quarters or sides, which in turn were subdivided into provinces.

The province of Azerbaijan (Ādurbādagān) along with the provinces like Gīlān and Armenia formed one of the provinces of the northern quarter from this time onward. Since the North (abāxtar/abākhtar) was considered to be the region of demons and hellish abode during the Sasanian period, the northern quarter was named Ādurbādagān, after its most important province. However, the other names that were applied to this quarter in Sasanian and post-Sasanian sources (such as Kāpkūh, Media, Fahla, and Jibāl) reveal that calling abāxtar quarter after the name of Ādurbādagān province was only prevalent for a short time and with the collapse of Sasanian Empire and its quadripartite organization, such naming fell into oblivion.

In the present paper, the author compares the literary and epigraphic sources concerning the subject and interprets their relevant information.

Mahmoud Jaafari-Dehaghi
(University of Tehran, Iran)

Historiography of Iranshahr During the Sasanian Time

It seems that the historiography, as the way of assessing sources and providing documentation to write the history was not recognized before and even in the Sasanian time. In fact, despite such written records as Achaemenid inscriptions, Iranian historiography developed mostly in oral form. It was the reason why with the collapse of the Achaemenid Empire its records had not survived or were abandoned, while stories related in oral traditions survived and were attributed to later heroes.

Besides, there was a traditional form of historiography established by the Achaemenids in their inscriptions. This included the standard formulas of introducing the 'King of Kings' at the head of inscriptions, the practice of regional chronology, as well as recording of royal achievements in multi-lingual inscriptions.

The Sasanians followed the Achaemenid methods of the historiography in general. Thus the trilingual inscription of Shāpūr I (r. 239–70) on the walls of the Ka'ba-ye Zardosht near Persepolis demonstrates strong stylistic and thematic resemblance with the Bisotun inscription of Darius I. Thematic similarity is more evident in Narsē's bilingual Paikuli inscription which chron-

icles the events leading to his accession. Furthermore, Kirdēr, the Zoroastrian chief priest of the early Sasanian period and the enemy of Māni, declared his views by publishing 'autobiography' in rock-carved inscriptions in Middle Persian.

This paper attempts to compare the similarities of the Sasanian historiography of Iranshahr with that of the Achaemenid period.

Abbas Zarei Mehrvarz
(Bu Ali Sina University, Hamadan, Iran)
Some aspects of Constitutionalism in Iranian Kurdistan

Various factors caused by inner socio-political processes prevented Kurdistan from visible participation in the Constitutional Revolution (1905–1909). Among these were the tribal life customs, strong influences of Sufi communities, tensions between local authorities and the state, as well as consequences of interference of big foreign powers, especially the Ottoman Empire.

In the main cities of Kurdistan, the constitutionalism was advocated by the majority of businessmen, some bureaucrats, *bey*s' sons and spiritual leaders. However, the practice of constitutionalism was short-lived there. During the period of short despotism most of constitutionalists turned to Mohammad Ali Shah. The second period of constitutionalism in Kurdistan was influenced by internal struggle between the local rulers and the central government. Despite opposition of the local leaders and tribal chiefs, constitutionalist ideas survived in the Kurdistan's cities through the political activities of Bazaar and religious minorities, Jews and Christians.

The paper is based on historical researches and documented materials from several archives of Iran (Foreign Affairs Ministry Archive, National Archive, The National Parliament Archive, Asef Family Archive etc).

Yousef Shaghoor
(University of Isfahan, Iran)
Intellectuals and Intellectualism in The Constitutional Period of Iran

It is common among historians of Iran's society to trace any discussion on the significance of modernity back to the late 19th and early 20th century. The constitutional movement of 1905 can be regarded as a landmark of the process of modernization in Iran. Intellectualism was mostly related to educated Persians who had some ideas about modern rationality based on the spiritual heritage of the Enlightenment.

These scholars named as intellectuals later on did much to transmit different modern thoughts such as the concepts of democracy and free trade to

the Iranian traditional society. The term 'intellectuals' was used to refer to a wide variety of people who, despite differences in their social and cultural backgrounds, shared the common objectives intended to reform various spheres of Iranian society. It should be noted that in the constitutional period intellectuals were also often regarded to as identical with being nationalist, reformist and constitutionalist.

The current paper aims to investigate the ways in which intellectuals were involved in the process of modernization in Iran.

Gholamhossein Tavakoli
(University of Isfahan, Iran)
Arabic culture or Islamic culture?

Most Western thinkers and Orientalists who have been dealing with the history of Islamic thought and culture usually apply to it terms like 'Arabic culture' or 'Arabic philosophy'. Almost all Arabic writers prefer to, or even insist on using such expressions. However, a short survey would show that the extreme majority of managers and builders of this culture have been Iranians by origin. Of course, it is true that these thinkers, in most cases, applied Arabic language in writing their works, but the reason for it was that the dominant scientific language in their epoch was Arabic, as the prevailing language in the Middle Age Europe was Latin.

The present paper tries to show that the bulk of the architects of Islamic culture in its different manifestations (including theology, philosophy, mathematics, jurisprudence, narratives and natural sciences, such as chemistry, medicine, astronomy, optics and even Arabic grammar and rhetorical figures) were Iranians. This fact is being proved in the paper purposely by the reference to the works of the same writers who use such expressions as 'Arabic culture' and 'Arabic philosophy'. It is argued that the terms mentioned are scholarly not accurate and should be avoided.

Mohammad Nabi Tavallaei
(Azaad University, Urmia, Iran)
Necrography and Historiography:
George Nathaniel Curzon's Persia and The Persian Question

In his encyclopedic work «Persia and The Persian Question» the British policy-maker G. N. Curzon attempts to give a succinct account of Persia's provinces and peoples, her institutions and features, its sights and cities and «to present a full-length and full-size portrait of that kingdom» (1892 Vol.I.: 5).

Curzon presents Persia and the Persians as inefficient and spiritless, and on a metaphorical level 'dead'. His 'scientific' description operating in the

services of cultural debasement is nowhere more obvious than in the use of the word 'necropolis'. (A prominent dimension of Curzonian historiography is the power of the English language.) In his visit to Persian cities, Curzon pays special attention to their cemeteries. His fascination with cemeteries may well be metonymic of the mode of his historiography he employs, a mode that can appropriately be termed 'necrography' and which may be juxtaposed to the Western literary form of biography.

In his experience of Persia, Curzon's mind «remained forever haunted by those plains of amber, those peaks of amethyst, the dignity of that crumbled magnificence, the silence of two thousand years» (Nicleson 1974: 121). If we adopt Gaston Bachelard's notion of a «poetics of space» (1969), we discover that such a 'poetics', a collection of imaginative and figurative values, makes Curzon's discourse about Persia, rendering its peoples, architecture and even history itself, a signifier of a dead land.

The concept of necrography provides an important angle for understanding the imperial gaze, which views the Orient as inert and passive. Necrography is the recording of the Oriental as 'ill', the realization of the seriousness of his 'illness' and the investigation of his 'death,' often metaphorically, due to numerous causes such as 'racial inferiority', religious beliefs and so forth.